

Посвящается маме.

Спасибо за то, что верила в меня.

Часть 1

Когда в детстве мне доводилось
видеть страшные события в новостях,
мама в таких случаях говорила: «Ищи тех,
кто поможет в беде. Всегда найдется кто-то,
кто протянет руку помощи».

Фред Роджерс

ПРОЛОГ

Элеанор

8 апреля 2003

В том, что моя мама знала о жизни, — заслуга мистера Роджерса.

Она называла его великим толкователем уроков, которые преподносит нам жизнь, и клятвенно уверяла, что именно он бесчисленное множество раз спасал ее в самые тяжелые времена. Когда она была расстроена, то говорила о своих проблемах. Если была счастлива, то в полной мере наслаждалась своей радостью. Испытывая боль, мама старалась докопаться до истинных причин своих страданий.

Никогда еще я не встречала женщину, умевшую настолько сильно контролировать свою собственную энергию. Ее ощущению самой себя стоило только позавидовать. Она никогда не повышала голос и была спокойней всех в мире. Рядом с моей мамой невозможно было сердиться. Я по-настоящему верила, что это невозможно.

Проводить вторники с Роджерсом — ее инициатива.

Только по вторникам мы ужинали не за столом в столовой, а расставляли перед телевизором подносы с едой. Не было ни одного вторника, чтобы мама, отец и я не смотрели очередную серию «По соседству с мистером Роджерсом». Это была давняя традиция, ко-

торая брала начало с той поры, когда мама была совсем юной. Каждую неделю она смотрела сериал вместе с бабушкой, а познакомившись с папой, заставила его пообещать, что они продолжат соблюдать этот обычай, если у них появятся дети.

Я и сама обожала этот сериал. Вероятно, не так-то много было на свете шестнадцатилетних подростков, кто знал — а тем более любил — мистера Роджерса. Если честно, они многое потеряли. И хотя сериал был довольно старым, то, чему учил мистер Роджерс, не утратило своей актуальности.

Тот вторник мало чем отличался от предыдущих. Мы ели мясной рулет и картофельное пюре, говорили о музыке, смеялись над папиными неудачными шутками и обсуждали коллекцию кардиганов мистера Роджерса, которая очень походила на мою, потому что мама каждый год ко дню рождения вязала мне новый.

Все было замечательно до тех пор, пока три слова, произнесенные мамой, не перевернули все с ног на голову.

— У меня рак.

Собственная реакция показалась мне совершенно неожиданной. Я резко откинулась на диванные подушки, словно кто-то со всей силы ударил меня кулаком в живот, выбив весь воздух из моих легких.

Я обернулась к маме, чувствуя растерянность, потрясение, боль. Мои ладони вспотели, желудок противно сжался, казалось, меня вот-вот вырвет.

— Что? — с трудом прошептала я.

Три слова.

Это были всего три слова. И они полностью изменили мое мировосприятие. Разбили мне сердце. Три слова, которые я не желала слышать никогда.

У меня рак.

Я не сводила глаз с маминых губ, когда она заговорила со мной. По крайней мере, мне казалось, что она обратилась ко мне. Произнесла ли она вообще хоть что-то? Правильно ли я ее поняла? Неужели я не ослышалась? Неужто отголоски прошлого вновь настигли меня?

У дедушки был рак.

Он боролся с раком.

И умер от него.

Это слово не предвещало ничего хорошего.

Я затрясла головой, недоумение вихрем обрушилось на меня, когда слезы медленно потекли по маминим щекам. Взглянув на папу, я заметила, что он тоже едва сдерживает эмоции.

— Нет.

Это все, что я из себя выдавила.

Единственное, что пришло на ум.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет. Нет, это неправда.

Папа сжал пальцами переносицу.

— Это так.

— Нет, — повторяла я. — Нет.

У мамы просто не мог быть рак.

У таких людей, как она, просто по определению не может быть онкологии. Она была самой здоровой женщиной в мире. Черт, я имею в виду ее суперполезные перекусы вроде смузи из моркови, яблок и огурцов. Ручаюсь, по венам мамы течет не кровь, а сок брокколи. Здоровые люди вроде нее никогда не болеют. Они становятся еще здоровее. Не может быть...

О, нет...

Теперь заплакал и папа. А ведь я могла бы пересчитать по пальцам, когда видела его плачущим.

— Элеанор... — Он всегда называл меня Элеанор, когда дела принимали скверный оборот, а ведь отца

сложно было назвать серьезным человеком. Он шмыгнул носом и закрыл глаза. — Это непросто для всех нас. Мы хотели рассказать тебе сразу, как только узнали, но не знали как. Кроме того, необходимо было провести дополнительные обследования и...

— Насколько все серьезно? — спросила я.

Оба промолчали.

И это не предвещало ничего хорошего.

Мне казалось, что мое сердце по кусочкам вырезают из груди.

Мама прижала руку к губам, слезы по-прежнему текли по ее щекам.

Вновь заговорил папа. И *снова* назвал меня полным именем.

— Элеанор... прошу тебя. Мы должны сплотиться, чтобы вместе это пережить.

— Мы будем бороться, — пообещала мама. В ее дрожащем, испуганном и неуверенном голосе звучал страх. — Мы будем бороться, Элли, обещаю тебе. Ты, твой отец и я. Мы не сдадимся.

У меня перехватило дыхание. Мне хотелось убежать прочь. Выскочить пулей из комнаты, подальше от дома, из этой реальности. Но я видела, как мама смотрела на меня. Понимала, как ей тяжело. Все ее тело сотрясалось от ужаса и страданий.

И потому я не могла ее бросить.

Только не так.

Я придвинулась к ней и стиснула в объятиях. Прижавшись к ней, я уткнулась головой в ее грудь и услышала, как бешено колотится ее сердце.

— Мне так жаль, — прошептала я, и от переполнившей меня тоски слезы брызнули из глаз. Я не знала, что мне делать, и потому лишь крепче прижимала ее к себе, продолжая повторять:

— Мне так жаль, так бесконечно жаль.

Она крепко прижала меня к себе и держала так, словно никогда больше не собиралась разомкнуть своих рук. После чего папа обхватил нас обеих, и мы втроем застыли, обнимая друг друга что было мочи.

Слезы капали синхронно, и в этот момент мы словно стали единым целым.

Боль не отпускала, и мама, ласково коснувшись губами моего лба, произнесла слова, от которых я заплакала еще горше:

— Прости меня, Элли.

Но все непременно должно быть хорошо, потому что мы намерены сражаться.

Сражаться вместе.

Чтобы одержать победу.

1

Элеанор

21 июня 2003

Всему, что я узнала о жизни, я обязана Гарри Поттеру. Я называла его своим величайшим учителем и клялась всеми правдами и неправдами, что он бесчисленное множество раз спасал мне жизнь. Когда мне было плохо, я писала заклинания, превращающие людей в крыс, слизней или жаб.

Нет нужды говорить, что качеств обычного человека мне явно не хватало, что меня вполне устраивало, потому что я отлично умела избегать людей, ну, по крайней мере, до тех пор, пока меня не принуждали общаться с ними.

— Прошу покинуть пределы этой комнаты, — заявила мама, стоя на пороге моей спальни и потирая ладонями лицо. Ее каштановые волосы были собраны в небрежный пучок, а за фартуком для рисования, повязанным вокруг талии, виднелась футболка с надписью Pink Floyd. Ее неоново-зеленые кеды были заляпаны краской, а очки в толстой розовой оправе торчали на макушке. Она одарила меня самой радостной улыбкой.

Весь день она рисовала в гараже, потому что только по выходным ей удавалось полностью отдалиться своей

любви к искусству. В течение недели она была дружелюбной нянюшкой, спасающей детей от скуки. А по субботам и воскресеньям проводила время так, как ей самой хотелось.

Прошло два месяца с того момента, как ей поставили страшный диагноз, и я всякий раз радовалась, когда она занималась живописью. Пока она рисовала, я чувствовала, что у нас все хорошо. Пока она была прежней мамой, жилось чуточку легче.

И, по большей части, она оставалась самой собой, хотя иногда она и уставала. Ну, может быть, спала больше обычного.

Оторвав взгляд от книги, я прищурилась.

— Нельзя выселять человека из его комнаты.

— Еще как можно. Мы поговорили с твоим отцом и приняли решение вытащить тебя из этих четырех стен. Ведь сейчас летние каникулы! Ты должна встречаться с друзьями.

Мои глаза метались то на нее, то обратно на книгу.

— А как ты думаешь, чем я занимаюсь? — Я безумно любила маму. Для меня она была лучшей матерью на свете, но сегодня она вела себя ужасно невнимательно. В конце концов, сегодня был не обычный летний день. 21 июня 2003 года — день, которого я так ждала последние три года.

Три долгих мучительных года.

Она в самом деле вела себя так, словно забыла, что в тот день поступала в продажу книга «*Гарри Поттер и Орден Феникса*». Да и вообще было просто возмутительно то, что она осмелилась говорить о чем-то, кроме Гарри, Рона и Гермионы.

— Элеанор, у тебя каникулы, а ты носу не кажешь из комнаты.

— Это потому, что мне надо перечитать первые четыре романа о *Гарри Поттере*, чтобы подгото-